

НОВАЯ ГАЗЕТА

РЕПОРТАЖИ • ОБЩЕСТВО

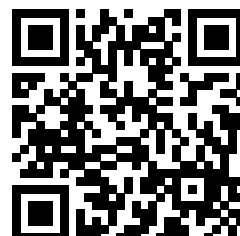
Кельюшки

Репортаж из карельской деревни, где слышно
прощальное эхо родины

15:53, 3 октября 2024,

Валерий Поташов

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Вид на Тунгуду. Фото: Валерий Поташов

Первые слова на карельском языке я услышал от своей поморской бабушки. Она научила меня считать по-карельски от одного до десяти, и долгое время я был уверен, что бабушка сама переняла эти слова от карелов, которые жили в нашем селе Шижня вместе с поморами. Но несколько лет назад, разыскивая в архивах следы своего прадеда Василия Степановича Суворова, участвовавшего в поморской торговле с Северной Норвегией, я получил выписку из метрической книги Шиженского прихода Кемского уезда Архангельской духовной консистории, из которой следовало, что прадед мой в 1894 году сочетался браком с крестьянской девицей Ириной Иовлевной Елагиной из карельской деревни Лужмаваракки Тунгудского прихода. Получается, прабабушка моя была тунгудской карелкой и, конечно, не могла не разговаривать со своей дочерью на родном языке.

О деревне Лужмаваракке я тогда совсем ничего не знал, ведь даже на советских картах ее обозначали нежилой. О карельской родне моя шиженская бабушка никому не рассказывала, и теперь я понимаю почему.

Осенью 1921 года Лужмаваракка оказалась в самом эпицентре Карельского восстания, которое стало последним крупным выступлением карелов против Советской власти. Восстание охватило почти весь север Карелии, и на его подавление была брошена 30-тысячная группировка войск Красной армии с бронепоездами и аэропланами.

Как сложилась судьба прабабушкиной семьи (а у Ирины Иовлевны Елагиной было четыре сестры и брат), мне, к сожалению, неизвестно. После разгрома карельских повстанцев зимой 1922 года часть жителей Лужмаваракки ушла в Финляндию, часть осталась с Советами и даже вступила в колхоз «Красная Лужма», но просуществовал он только до 1941 года. С началом войны все население Лужмаваракки эвакуировали, а деревню на берегу Тунгудского озера сожгли.

Место, где стояла деревня Лужмаваракка. Фото: Валерий Поташов

Одними из самых известных выходцев из Лужмаваракки в Финляндии стала семья доцента университета Оулу Сейи Ялагин, которая в прошлом году возглавила старейшую карельскую организацию соседней страны — «Карельское просветительское общество». Оно было основано еще осенью 1906 года и поначалу именовалось «Союз беломорских карелов». Осевшие в Финляндии карельские торговцы-коробейники не забывали свою родину и помогали ей книгами, готовили учителей, открывали школы и библиотеки. Кроме того, общество оказывало поддержку карельским беженцам в Финляндии.

Сейчас «Карельское просветительское общество» ведет проекты по сохранению карельского языка и национальной культуры. Многим в Карелии известен и журнал общества под названием *Karjalan Neimo* («Карельское племя»). Правда, после февраля

2022 года журнал перестал приходить в Россию, а все культурные проекты между двумя странами оказались заморожены.

Как рассказала председатель «Карельского просветительского общества», род Елагиных был самым старым в Лужмаваракке.

Он упоминается в метрических книгах еще в начале XVIII столетия, поэтому можно уверенно утверждать, что история деревни насчитывала более двух веков до того, как ее жители были выселены, а сама она сожжена.

Сейя Ялагин поведала мне и о том, что потомки жителей Лужмаваракки установили на ее месте поклонный крест, и с тех пор меня не отпускала мысль побывать на родине моей карельской прабабушки. Но оказалось, что дороги до бывшей деревни нет, и добраться до нее можно лишь по реке Тунгуде.

Путь мой лежал в такую же старинную карельскую деревню, которая называется так же, как и река, — Тунгуда (или по-карельски Tunguo). Места эти были заселены людьми с глубокой древности, и, как отмечают карельские историки, в окрестностях Тунгуды находится одно из крупнейших на севере Европы скопление археологических памятников. До революции через деревню проходил торговый путь из Финляндии к Белому морю, и многие местные жители стали купцами. Однако сегодня эти края производят впечатление одного из самых глухих уголков Карелии, который облюбовали только туристы.

Еще в начале прошлого века Тунгуда являлась центром Тунгудской волости, где объясниться по-карельски было проще, чем по-русски. А сейчас тех, кто понимает карельский язык, в

деревне можно пересчитать по пальцам одной руки.

Примечательно, что несколько лет назад власти Карелии прислали в Тунгуду дорожный указатель с ее наименованием по-карельски. Но оказалось, что название деревни написано с ошибкой, и местные жители не стали устанавливать указатель на дороге.

Школу в Тунгуде закрыли еще в советские времена, когда деревня была признана «бесперспективной», а сегодня в ней нет даже магазина. Ближайшая пожарная часть находится от Тунгуды за десятки километров,

и если в лесной деревне случится пожар, спасти дома от огня придется самим местным жителям с маленькой мотопомпой.

Одной из главных достопримечательностей Тунгуды считается деревянная часовня XIX века, включенная в список объектов культурного наследия регионального значения. Деревенские жители уже около полутора десятка лет добиваются от республиканских и федеральных властей ее реставрации, однако, как рассказала хранительница деревенского музея «Тунгудский народный дом имени Г.И. Гужиева» Анастасия Чубурова, в Тунгуду приезжали уже четыре комиссии, а памятник, не нужный ни государству, ни церкви, так и разрушается на глазах.

Анастасия Чубурова у часовни. Фото: Валерий Поташов

«Мы бы давно сами восстановили часовню, но она является памятником, и нам ничего с ней делать нельзя», — посетовала Анастасия Чубурова.

Собственно, Тунгудский народный дом, который поддерживает Анастасия Владимировна, остался последним очагом культуры тунгудских карелов. Располагается он в небольшом деревянном доме, в котором когда-то жил местный учитель Геннадий Гужиев, поэтому после его смерти дому дали имя педагога и краеведа.

Народный дом. Фото: Валерий Поташов

«Два года мы добивались, чтобы нам разрешили открыть здесь народный дом, — поделилась воспоминаниями Анастасия Чубурова. — Ездила я в отдел культуры в Беломорск, мне говорят: «А что ты будешь делать там?» Я им отвечаю: «У меня теперь все направления». Дали нам разрешение, немного денег на ремонт выделили, мы стены обшили. Сами все делали, а теперь нас совсем мало осталось. Даже праздника не провести, но кто в деревню приезжает, сюда приходят, я им наши экспонаты показываю».

Возле Народного дома стоит в Тунгуде деревенский мемориал жертвам советских репрессий, и это едва ли не единственный памятник в Карелии, на котором упомянуты не только расстрелянные в сталинские времена, но и те, кто погиб в 20-е годы прошлого столетия. После Карельского восстания население Тунгудской волости сполна испытало на себе и

раскулачивание, и коллективизацию, и борьбу с «антисоветскими элементами».

Памятник репрессированным в Тунгуде. Фото: Валерий Поташов

Памятник репрессированным землякам и пострадавшим деревням поставили сами местные жители. По словам хранительницы Народного дома Анастасии Чубуровой, она откормила и продала свинью, чтобы выручить на памятник деньги.

«А такие маленькие домики у нас называют «кельюшки», — продолжила экскурсию по деревне Анастасия Владимировна. — В них доживали свой век одинокие старики, но о них заботилась вся деревня. Кто помогал рыбой, кто хлебом».

Кельюшка. Фото: Валерий Поташов

Увы, теперь одинокие старики даже в карельских деревнях никому не нужны, а «кельюшка» на таежном озере или на Белом море стала в последние годы весьма привлекательной недвижимостью.

У многих домов в Тунгуде появились новые хозяева из больших российских городов, которым хочется отдохнуть от шума в карельской глуши.

Когда мы шли на катере по реке, нам встретились несколько караванов туристов, которые попадали на Тунгудское озеро. Супруг Антонины Чубуровой Анатолий, который вез нас в

Лужмаваракку, рассказал немало историй про приезжих из Москвы и Питера, оставивших на реке дорогие лодки и моторы из-за топляка, которым усеяно дно Тунгуды. В советские времена по реке сплавляли лес, и сотни бревен до сих пор лежат в воде. Финские бизнесмены предлагали поднять эту древесину со дна, но карельские чиновники не дали им разрешения, и затопленный лес так и остался гнить в реке и озере.

Анатолий Чубуров. Фото: Валерий Поташов

Поделиться Анатолий Чубуров и рассказом о том, как перед войной в этих краях появилась 20-километровая дорога из Тунгуды до деревни Березово (или Koivuniemi), которой теперь тоже нет на карте Карелии.

«В 1939 году сюда приехал депутат Верховного совета республики, отправился в Березово в колхоз. Повезли его на лодке, но на озере задули ветра, и вовремя вернуться из

Березово он не смог. Поднялся шум: пропал депутат! В деревню выехал отряд НКВД его искать. Тогда тут была только конная тропа, но после этого случая жителей Тунгуды и Березово заставили лопатами строить дорогу. По десять километров с каждой стороны. Построили ее за год», — поведал Анатолий Чубуров.

На реке Тунгуде. Фото: Валерий Поташов

Однако до Лужмаваракки нам пришлось добираться и по реке, и по суше. У самого Тунгудского озера нас встретила старая плотина, и катер мы перетаскивали через нее по волоку.

— А когда Лужмаваракка стала нежилой? — поинтересовался я у Анатолия Чубурова.

— Деревня перестала быть жилой в июле 1941 года. Людей из нее отправили в эвакуацию, а вернуться назад уже не

разрешили. Кто хотел, перевез свои оставшиеся дома в Тунгуду, — ответил наш проводник.

Берег Тунгудского озера, где когда-то стояла Лужмаваракка, давно зарос лесом и выглядит сегодня так, как будто никакой деревни с двухсотлетней историей тут никогда и не было. Но у самого берега еще можно увидеть груды камней, оставшихся в воде от бань, которые топились по-черному.

Берег Тунгудского озера. Вид на место, где стояла деревня Лужмаваракка. Фото: Валерий Поташов

Подъехав к Лужмаваракке, Анатолий Чубуров выключил мотор, и несколько минут мы просто слушали осеннюю тишину. Потом наш проводник рассказал о том, что с озера можно окликнуть тех, кто здесь когда-то жил.

«Симо!» — крикнул Анатолий Чубуров в сторону берега, и через мгновение звонкий лес повторил это имя.

«Иов!» — позвал я своего прапрадеда, и моя карельская родина
ответила мне прощальным эхом.